

Сергей Бондаренко

ПРИГЛАШЕНИЕ В ФЕНОМЕНОЛОГИЮ

В.Набоков

ПРИГЛАШЕНИЕ...

Неожиданное для меня знакомство с Набоковым. Поскольку это первый прочитанный мной его роман. И не менее неожиданны для меня мои собственные выводы о романе и его авторе.

Рискую показаться нелепым и смешным, но думаю, что "Приглашение на казнь" Набокова — это феноменологическая ода преодолению субъектом собственной натуралистической установки и, как следствие, в итоге своего солипсизма.

Именно поэтому приговор, заточение и казнь героя в конце - всё это оказывается интуитивно предчувствуемым в ходе повествования навязчивым фарсом.

Фарсом, который заканчивается чудесным открытием присутствия за декорациями мнимого "реального" действительных равных герою своей плотностью бытия других.

И здесь, обращаю внимание читателя, важно подчеркнуть, что не других действительных вещей, а равных герою действительных субъектов - "существ подобных ему".

Интересно, что единственный способ преодоления мыслимого героем театра абсурда Набоков видит именно в страхе смерти. В неуправляемом инстинкте, не поддающемся контролю разума — то руки трясутся, то руками закрывает затылок, — который, собственно, и обострил восприятие героем множества мелких несуразностей и мучившее чувство абсурдности происходящего.

Страхе, который герой все время пытался обрести, задавая один и тот же вопрос: "Когда?". Поскольку чувство театрального абсурда и нереальности, как ни парадоксально, лишь отвлекает героя, расслабляет его дух от внутреннего движения к выходу — к неприятию реальности постановочного бытия.

Здесь можно вспомнить Вачовски. Впрочем, как и многих других авторов, обыгрывающих тему преодоления мнимого нереального.

Чтобы стать избранным, Нео должен умереть. Быть или не быть избранным — это его личный выбор. И, конечно же, "ложки не существует".

Но в чем я вижу уникальность "Приглашения.." Набокова, так это в приговоре главного героя. "Ценцената Ц." приговорили к смерти из-за его "непрозрачности" для прочих жителей города, в формулировке суда за "гносеологическую гнусность".

Одним этим штрихом Набоков полагает принципиальную разницу между главным героем и прочими персонажами романа. Он показывает нам, что герой непроницаем и тёмнен для понимания, в то время, как прочих легко понять, словно они лишь обрывки диалога пьесы. И тесть героя тому яркое подтверждение.

Таким образом, Набоков, на мой взгляд, провел четкую границу между героем — субъектом (темным и недоступным для схватывания сознанием) и прочими персонажами, населяющими мир субъекта.

И приговорен был к смерти герой именно как субъект. Как тот, кто мешает "жить" неживому.

И ломали его, даря и отбирая надежду, пытались лишить его строптивости, расшаркивали перед ним и лезли в друзья, пытались открыть его душу, лишить его темноты — всё это ради того, чтобы лишить его субъектности, превратить в такую же вещь-идею, как и прочие бесплотные персонажи романа.

Поэтому, полагаю, что "Приглашение на казнь" Набокова — это ко всему прочему еще и роман-пророчество, или менее пафосно роман-предчувствие.

Во-первых, предчувствие "человека-цифры". Той цифры из сталинской и гитлеровской статистики, к которой можно свести всех темных и строптивых "Цинциннатов", ломая и вскрывая их, чтобы потом казнить.

А, во-вторых, предчувствие времени, в котором нелогичная пугающая "смерть бога" сменится обыденной и привычной "смертью субъекта".

Смертью, оправданной благим намерением обретения покоя и устранения противопоставления и ужаса насилия субъекта над "объектом" ушедшей эпохи "человека-цифры".

Многие читатели и критики романа указывают на то, что главного героя в конце всё же казнили и он ушел лишь в духе, исключительно как второй внутренний Цинциннат.

В этом смысле моё понимание романа, как феноменологической оды преодолению субъектом своего солипсизма, представляется далеким от его "правильного" понимания. И я бы согласился с таким возражением, если бы не оригинальный текст концовки.

Довод о не телесном спасении героя опровергают слова живого Романа (он же Родриг), подбежавшего к то ли живому, то ли мертвому Цинциннату: "Что Вы делаете? — Хрипел он, прыгая. - Нельзя... Нельзя. Это не честно по отношению к нему. Ко всем. Вернитесь. Ложитесь. Ведь Вы лежали, всё было готово. Всё было кончено..."

Но ведь не кончено же.

Цинциннат встал, не завершив счет, чем поверг всех в ужас, а библиотекаря аж до рвоты. Да, это можно было бы принять за реакцию на отрубленную голову. Но живой Роман-Родриг, перед этим живехонько несший футляр с инструментом палача, подбежал и сказал к живому: "Что Вы делаете?"

Занавес!

В итоге "Приглашение на казнь", на мой взгляд, оказалось не антиутопией и даже не сатирической аллюзией на СССР с его судебными процессами 30-х годов XX столетия, а полноценным философским произведением.

Как-то так..))

20 февраля 2021 года

Варшава